

мстить жене и ее любовнику. Этого рода произведения отражают уже идеологию патриархального общества, в котором жены всегда являлись чужеродками, поскольку бурятские роды были экзогамными. Добытая путем купли или умыкания жена не всегда любила своего мужа. Такого рода произведений, однако, немного: среди западных бурят нам известна лишь одна большая эпопея «Ирэнсэй», в которой рассказывается, что Ирэнсэя убила его жена, ставшая любовницей мангатхая. Обычно же, и притом очень часто, изменяет не жена героя, а жена его противника — многоголового мангатхая. Она оказывается тоже небесной красавицей, похищенной мангатхаем. Когда герой является сражаться со своим противником, она помогает герою победить и убить своего мужа.

И тот эпос, который мы условно называем матриархальным, и тот, который мы, также с оговорками, называем патриархальным, характерны тем, что борьба между героем и его противником либо происходит за обладание женой, либо мотивируется просто злокозненностью врага, каковым часто оказывается или злая старуха или многоголовый мангатхай. Герой обычно рисуется не как нападающая сторона, а как защищающаяся. Когда же он в процессе борьбы с врагом убивает противника, то с почестями его хоронит и даже не присваивает его имущества.

Совершенно иную картину мы видим, изучая эпос, в значительной степени пропитанный идеологией феодального общества. Борьба здесь вызывается стремлением противника героя завладеть его имуществом, подданными, страной. Так, например, в аларской былине «Еремей богдо хан» на героя нападает мангатхай. Он уводит в плен не только самого хана, но и его людей, а также забирает скот. В былине хоринских бурят «Эрелдэй эзен богдо хан» братья убивают героя с целью захватить царство. Чрезвычайно интересно отражение в былинах феодальных войн. Очень часто мы узнаем, что, выдавая замуж свою дочь за героя, хан ставит условием, чтобы зять предварительно разбил его врага и покорил царство последнего: в этом можно усмотреть отражение истинного положения вещей в феодальном обществе, когда тот или другой крупный феодал покорял менее могущественных при помощи своих вассалов. При этом вассал крепче привязывался к своему сеньору родственными узами.

Небезынтересен факт несомненной связи бурят-монгольского героического эпоса с шаманством, которое до последних лет было сильно распространено в ряде районов, населенных бурятами. Не вдаваясь в подробное рассмотрение бурят-монгольского шаманства, укажу лишь, что существует совершенно особая шаманская поэзия. Торжественные гимны в честь шаманских божеств и героев-полубогов, напоминающих до некоторой степени героев античной мифологии, — вот основная тема этих произведений. Кроме богов, таких как Эсэгэ Малан (верховное божество), Хан Ата тэнгри, Хан Хинан тэнгри и др., шаманский пантеон состоит из множества героев, не являющихся богами-тэнгриями и не причисляемых к ним. Некоторые из них наряду с богами также играют роль в героическом эпосе.

В связи с этим следует заметить, что буддизм никакого влияния на эпическое творчество бурят-монголов не оказал. В нем нельзя заметить даже поверхностного налета буддизма, не говоря уже о том, что содержание улигеров никакими буддийскими элементами не характеризуется. Это и вполне понятно. Начав распространяться с конца XVII века, буддизм успел проникнуть глубоко в жизнь и быт лишь восточных бурят, а западные буряты буддизма почти не знали.

Говоря о роли шаманских божеств в эпосе, укажем на таких, как Эсэгэ Малан, дочери которого оживляют героя; Хухудэй мэргэн — бог грома и молнии, у которого хранится душа героя; старуха Зарлик Саган — жена Заян Саган тэнгри, раскрывающая хитрость мангатхая, являюще-